

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НА ТЕМУ : «СЕРГЕЙ ЕСЕНИН»

Подготовила ученица 10 класса «А»

МБОУ СОШ №76

Яценко Марии

Я ВЕДЬ ТЕПЕРЬ АВТОБИОГРАФИЙ НЕ
ПИШУ. И НА АНКЕТЫ НЕ ОТВЕЧАЮ.
ПУСТЬ ЛУЧШЕ ЛЕГЕНДЫ ХОДЯТ!
С. ЕСЕНИН В РАЗГОВОРЕ С В.
ЭРЛИХОМ

Сиротство Есенина при живых родителях в какой-то степени всегда затушевывалось литературоведами. Ну про отца еще писали. А про мать – поскольку сын в стихах 1924–1925 годов создал почти общенародный культ матери, ждущей сына и страдающей о нем, – есениноведы долгое время предпочитали умалчивать.

Видимо, всякого рода этические причины до смерти матери удерживали и авторов мемуаров, и издателей от публикации подробностей из жизни есенинского рода. Ну а по инерции, оглядываясь на еще многочисленную в 1960–1970-е годы есенинскую родню, литературоведы не торопились осмысливать всю сложность душевного склада поэта, исходящую от семейной драмы его родителей.

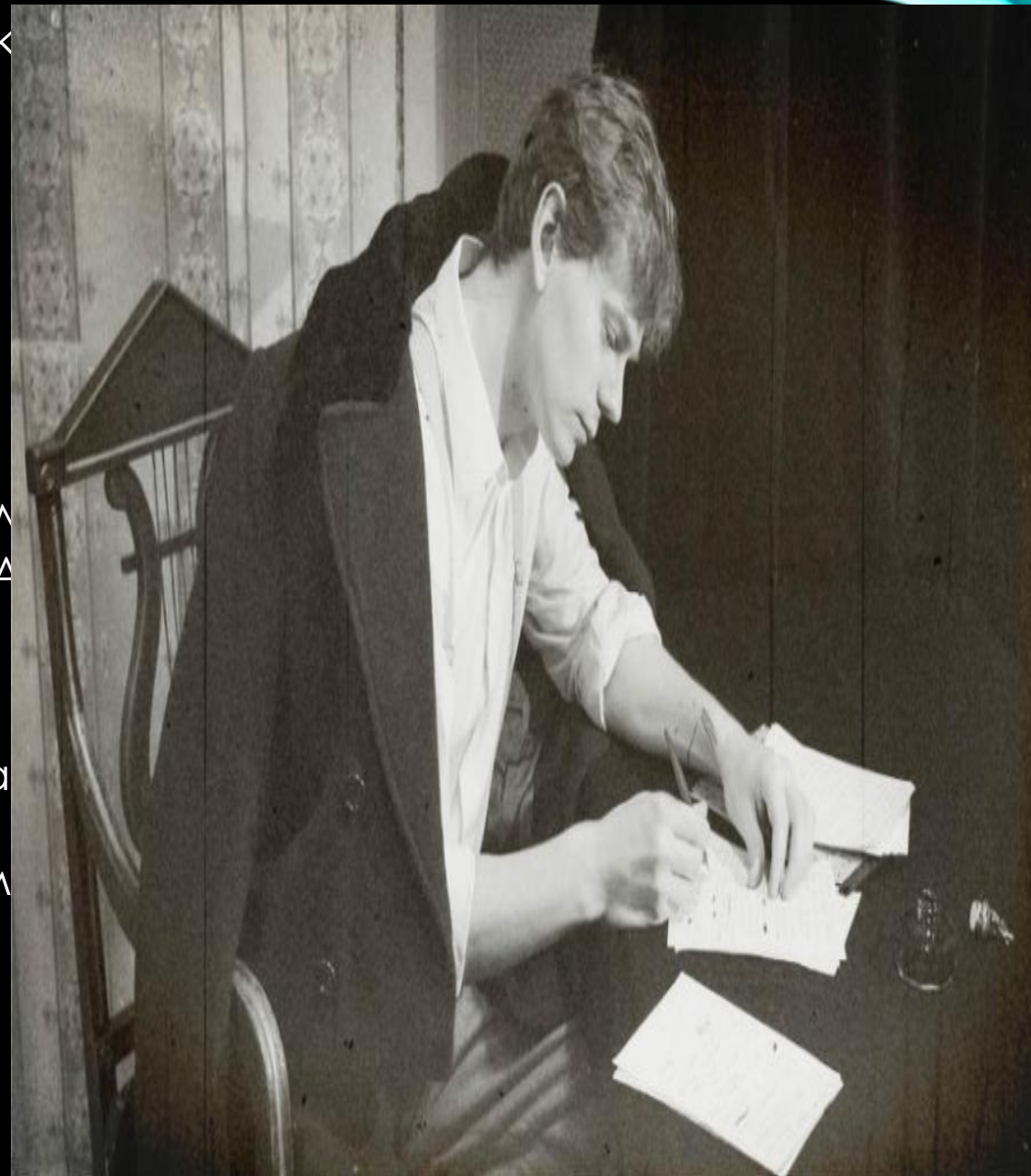

Усталый от жизни, почерневший, замученный гонениями, предательством, тоскою, он по-прежнему не может опростеть сердцем...

Образ «забияки и сорванца» стал соблазнительным для Есенина значительно позднее – после жизни в Петрограде, а потом в Москве, когда жестокие нравы революционной эпохи как бы вынудили его сделать ставку на «хулиганство», «пугачевщину», «разбойность». Ему хотелось в детстве и отрочестве быть гораздо отчаяннее и бесстрашнее, чем он был на самом деле, но об этом он всегда думал с затаенными чувствами ужаса и восторга:

Москва. Август 1912-го – март 1915-го. В эти три московских года жизни начинающего поэта уместилось многое: работа в типографии ради хлеба насущного и роман с Анной Изрядновой, закончившийся рождением сына, флирт с социал-демократией и полтора года образования в университете имени Шанявского, признание в литературно-музыкальном Суриковском кружке и переписка с другом юности Гришей Панфиловым.

Первая встреча с «порфироносной вдовой», «городом вязевым», «сердцем России» произошла у него год назад. Есенин вспоминал, как он впервые бродил вокруг златоглавых соборов и дворцов Кремля, как возле Китайской стены попал в шумное чрево Никольского книжного рынка. С затаенным дыханием листал он тогда сборники русских былин, бережно ощупывал старые издания «Слова о полку Игореве», приценился к заветным томикам Лермонтова, Некрасова, Кольцова...

Итак, к весне 1915 года девиз Есенина «В Москву! В Москву!» сменился на другой: «В Петербург! К Блоку! К Блоку!»

Но в «Автобиографии» поэт пишет нечто другое:

«19 лет попал в Петербург проездом в Ревель к дяде». Как бы случайно попал, по пути, проездом. А вообще мог бы и не заезжать... Лукавил Есенин, лукавил. Не хотелось ему, признанному поэту, в 1923 году, когда он сочинял свою очередную автобиографию, признаваться читателям в том, что в Москве он спал и видел, как бы добраться до столицы, до короля поэтов Александра Блока, добиться признания петербургской элитой его, Сергея Есенина.

С высоты достигнутого опыта и всероссийской славы эти честолюбивые планы, видимо, уже казались Есенину умаляющими его достоинство, и поэт умело замаскировал их: «попал проездом»

...

Молодой Есенин улыбался, позволял гладить себя по «бархатной шерсти», воспринимая эти благоглупости спокойно, в чем сказывалась его крестьянская благовоспитанность. Лишь иногда в глазах загорался недобрый огонек и чувствовалось, что долго такое добродушие длиться не может.

На всю жизнь Есенину запомнился вечер в салоне Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Хозяйка навела на него лорнет и с холодной издевкой спросила:

– Что это на вас за гетры?

Есенин, опешив, что с ним тогда случилось редко, ответил:

– Это валенки!

Прозорливая ведьма не успокоилась:

– Вы вообще кривляетесь!

Несмотря на ставший уже привычным свой успех в ее салоне, Есенин всю жизнь не мог простить Зинаиде Гиппиус унижения и растерянности, которые тогда испытал.

WORDCREAK.RU

то время, летом 1917 года, когда Есенин, опьяненный свободой, мистическими прозрениями, мечтой о земном рае, с любовью создавал цикл своих религиозно-революционных поэм и завоевывал сердце Зинаиды, он был, наверное, на вершине своего здоровья, физического расцвета, мужской красоты и обаяния. Он шел по революционной России «красивый, двадцатидвухлетний», от его стройной фигуры веяло ладом, изяществом, «ухватистой силой», «свежей розовостью щек». Люди, читавшие его строки «свет от розовой иконы на золотых моих ресницах», вспоминают, что действительно его взоры излучали подобный свет. Он любил встряхивать головой, и тогда его волосы прихотливо развевались, образуя над ней корону, из-под которой светились два синих глаза.

Юношеская легкость походки, живое, постоянно меняющееся выражение лица, волшебная способность говорить и вести беседу без слов – легким кивком головы, жестами рук, движением бровей, прищуром глаз – таким запомнился Есенин всем, кто встречался с ним летом 1917 года.

Спасибо за
внимание!

По книге «Жизнь замечательных людей»